

УДК 930

ШУЛЬЦ Эдуард Эдуардович, кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Автор 23 научных публикаций, в т. ч. двух монографий

«УТОПИЯ», «НАЦИОНАЛИЗМ» И «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» КАК ОСНОВА РАДИКАЛЬНЫХ МАССОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Статья посвящена анализу причин радикальных массовых форм социального протеста, к которым в первую очередь относятся такие социальные явления, как гражданская война и революция. В статье рассматривается комплекс причин, лежащий в сфере массовой психологии: «утопия» (построение более совершенного общества), «национализм» (борьба за национальную независимость, самоопределение, культурно-историческую самобытность), «интернационализм» (ориентир на зарубежные образцы, стремление к общим ценностям и процессам). В последнее столетие среди причин возникновения радикальных массовых форм социального протеста исследователи чаще выдвигают на первый план «экономический блок» и демографический фактор, а также различные модификации первого и второго. Рассматриваемые вопросы возвращают к определению причин возникновения социального протеста, особенно в его радикальных и массовых формах.

Анализ всех массовых радикальных социальных выступлений XVII–XXI веков показывает, что экономические и демографические факторы могут играть важную роль, но чаще являются сопутствующими факторами, дополнительными, но не определяющими. В большинстве разнообразных проявлений радикального массового социального протеста за последние 4 века их истоки и причины лежат далеко и от экономики, и от демографии, и только первенство идеологии (психологии) дает понимание, почему люди, выступая с протестными акциями, готовы идти на материальные потери, снижение уровня жизни и даже на риск физических повреждений или смерти в отстаивании своих прав и взглядов, и позволяет объяснить примеры таких явлений, к которым невозможно (или очень сложно) применить экономические или демографические факторы.

Ключевые слова: утопия, национализм, интернационализм, социальный протест, радикальные массовые формы социального протеста.

Среди причин возникновения радикальных массовых форм социального протеста (к которым относятся и такие формы, как революция и гражданская война) называется множество причин, среди которых первенство в последнее столетие занимает «экономический блок», важную роль играет демографический фактор и различные модификации первого и второго [1, 2]. Анализ всех массовых радикальных социальных выступлений XVII–XXI веков показывает, что во многих случаях их истоки и причины лежат далеко и от экономики, и от демографии, которые, безусловно, могут являться сопутствующими факторами, но не определяющими.

Первая «буржуазная революция» – революция 1566–1609 годов в Нидерландах – являлась по сути своей войной протестантов (кальвинистов) против католиков и инквизиции, а основным вопросом революции была свобода вероисповедания [3, с. 364–384]. Пуританизм стал идеологией Английской буржуазной революции 1640–1660 годов [4, с. 19; 5, с. 144]. Фридрих Энгельс специально подчеркивал, что «кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии» [6, с. 308]. Религиозные аспекты были характерны и для Американской революции – войны за независимость США (1775–1783 годы). Великая французская революция была зарождена идеями Просвещения, но «это была революция, которая обеспечивала неожиданную движущую силу светской религиозности...» [7, с. 7]. Как отмечал один из ранних исследователей Великой французской революции А. Токвиль, несмотря на свой политический характер, эта революция действовала «подобно религиозной» [8, с. 21–22]. Русская революция, как и французская, которая выступила шаблоном для русской, опиралась на философское учение, а не на религию, но эти философские системы превратились в очень близкие к религиозным и заменили собой религиозное мировоззрение.

В приведенных примерах идейной основой и глубинными мотивационными рычагами в массовом социальном протесте выступал определенный набор принципов.

Первый такой принцип – создание более совершенного общества. Создание идеального общества всегда являлось мечтой человечества, что обеспечивало идеям «утопий» устойчивую базу в массовой психологии, в т. ч. и для идеологии социального протеста [9]. Пример марксизма дает квинтэссенцию для понимания психологических ориентиров в рассматриваемых вопросах. Марксизм преподнес себя мессианской идеей для рабочего класса, а если еще шире – для всех обездоленных, предложил путь строительства нового общества, основанного на общем полном равенстве и справедливости. Это и сделало марксизм одной из самых популярных и успешных социальных теорий в качестве основы протестного движения («революционного» – как самой радикальной формы социального протеста), которая послужила идеологической основой Великой русской революции, так называемых «пролетарских» и многих «народно-демократических» революций XX века, стала знаменем многих леворадикальных протестных движений XX столетия [9, 10].

Идея создания идеального общества являлась одной из самых сильных движущих сил идеологии протеста XVI–XIX веков – от утопии Томаса Мора до «коммунистических теорий», о чем писал Ф. Энгельс [11, с. 18]. Заменив «утопические общества» на идею «научно обоснованного» коммунистического мира, марксизм заменил собой все социальные утопии, став главной идеологией социального протеста XX века.

Идеология религий или философских учений не исчерпывают главные мотивационные принципы радикальных форм массового социального протеста. Национальная идея, элементы национализма и «интернационализм», кажущиеся на первый взгляд идеями и принципами абсолютно противоположными, выступают самыми распространенными основами (или основой) идеологии протеста. Национализм необходимо рассматривать в широком контексте, выходящем за определение подавления одной нации другой. Национализм связан с идеей превосходства одной нации над другой,

и этот принцип волей-неволей связан с базовым принципом «мы-они» и проявляется на бытовом уровне даже в среде самых демократичных и толерантных слоев населения даже самых благополучных стран. Сюда же следует отнести культурно-исторические особенности, которые, по мнению населения, выделяют среди других народов.

Интернационализм имеет несколько коннотаций, он рассматривается как противоположность национализма: 1) как равенство, солидарность и сотрудничество всех народов; 2) равенство, солидарность и сотрудничество рабочего класса в борьбе с национальными государствами и национальной буржуазией. Более широкое понимание – интернационализация различных слоев населения разных стран в связи с процессами «стирания границ» и «уменьшения расстояний», общей глобализации экономики, политической и общественной жизни. Такая интернационализация характеризуется преобладанием общих принципов (общегуманитарных, общеевропейских, цивилизованных и т. д.) над национальными – в мышлении, культуре, политике и экономике.

Национальная идея (и национализм в вышеуказанном понимании) была присуща всем национально-освободительным движениям и революциям. Первая буржуазная революция – Нидерландская – являлась по сути национально-освободительным движением против испанского владычества и базировалась на национальной идее в сумме с религиозными различиями. Революция в Америке так и называется – война за независимость. Национальная идея как основа идеологии протестного движения проявилась в национально-освободительных революциях – в Норвегии (1814), в Греции (1821–1829), в Бельгии (1830), в Венгрии и Италии (1848–1849). Образование единого национального германского государства составляло главную задачу революции 1848–1849 годов в Германии [12, с. 295]. Национальный вопрос стоял остро для западных территорий Российской империи – Польши, Финляндии, Западной Украины. В борьбе с царизмом отдельный расчет лидеров больше-

виков строился на «инонациональное население», т. е. «нерусское население», и национальные окраины империи [13, с. 356]. Ленин видел революционные преимущества России перед Европой в наличии целого ряда угнетенных царизмом народностей, которые «делают натиск на самодержавие особенно энергичным» [14, с. 381].

Национальная идея (в ее политическом, социальном и экономическом проявлении) стала определяющей в приходе Гитлера к власти, который случился в результате высокого уровня социального протеста в стране и радикализации населения. Несмотря на, казалось бы, самый крайний случай национализма, пример с Германией демонстрирует и диалектику принципов. Так, Р. Гриффин отметил, что коммунизм, провозглашавший интернационализм, на практике реализовывался привлечением радикального национализма, фашизм, «будучи крайне этноцентрическим и ультранационалистическим – может, тем не менее, прибегать к интернационализму в рамках представления отдельных попыток возрождения нации, расы или региональной культуры (этноплюрализм) как частных проявлений международной борьбы против общих врагов (например, коммунизма, материализма, иудаизма, исламизма, мультикультурализма, западного загнивания...» [15, с. 141].

Национальная независимость, политическая, экономическая и культурная самостоятельность и т. п. стали движущей силой всех антиколониальных революций, революций 1989–1991 годов в странах «социалистического лагеря». При всех лозунгах о демократии и свободе, стремлении отстаивать собственное понимание справедливости и требуемого уровня благосостояния и ряде других психологических причин бунта события на Украине в 2004 и 2014 годах и в ряде арабских стран в 2011 году и сегодня показывают важность «национального фактора»: национализм в форме отстаивания самоидентификации на Украине или кланово-племенных конфликтов в Ливии и Сирии, а также идеи единого арабского обновления всей «арабской весны» [16, с. 119–121; 17].

Интернационализация мира с началом нового времени привела к тому, что стали стираться границы, что крупные события в одном европейском государстве оказывали влияние на другие государства. Гражданские, религиозные войны и революции стали легко пересекать границы. Образованные слои общества стали сравнивать условия и принципы жизни с другими государствами не просто с точки зрения познавательной, а как ориентир в развитии. Прием ссылки на установления в вымышленных государствах использовался с незапамятных времен (утопии), здесь же ориентироваться начали на вполне конкретные государства, пусть даже и приписываемые им законы и условия могли не соответствовать действительности.

Интернационализм проявлялся при сравнении собственной страны с другими странами, с их уровнем развития при стремлении жить по лучшим международным образцам.

Многие революции XX века и сильные протестные движения использовали марксистскую идею интернационализма рабочего класса. «Рабочие не имеют отечества», – заявили в 1848 году Маркс и Энгельс в Манифесте коммунистической партии [18, с. 444]. «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни». Однако делают вывод, что по каким-то причинам «господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение» [18, с. 444]. С точки зрения интернациональности капитала можно с определенной долей допущения говорить, что отечества в понимании высшей ценности у буржуазии нет. Отечество – очень широкое и относительное понятие для части космополитичной интеллигенции. Но история продемонстрировала, что пролетариат – один из самых националистических классов.

Примечательно письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 1882 года: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? То же самое, что они думают о политике

вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» [19, с. 297].

После полувековых клятв в интернационализме Первая мировая война развеяла миф об этом чувстве рабочего класса. «Именно в Германии (стране с самой сильной социал-демократией. – Э.Ш.) рабочие, как и все прочие граждане, последовали призыву на военную службу с единодушием, даже энтузиазмом, доказывающим, как мало они рассматривают мировой пролетариат как свое отечество, и насколько они более привержены внутригерманским отношениям, невзирая на их феодальный характер, а, может быть, даже благодаря ему, чем отношениям свободного капитализма, процветающего в Англии или отношениям при царском абсолютизме» [20, с. 64]. Русский историк В.О. Ключевский писал, что в получаемых от рабочих «адресах» в революцию 1905 года самые популярные – «освободить от евреев и сохранить самодержавие» [21, с. 353]. Без понимания этого аспекта массовой психологии невозможно понять многие явления политической и социальной жизни XX века.

Интернационализм чужд рабочему классу и крестьянству (не в смысле агрессивного национализма, а в смысле превалирования национальных идей вплоть до крайне националистических). «Пролетарский интернационализм» (и интернационализм в принципе) – это по большей части идеи интеллигенции, космополитов Маркса и Энгельса, Ленина и Троцкого и т. д. Первая мировая война и раскол II Интернационала показали, насколько национальные идеи перевешивают интернациональные даже у самой сильной и передовой, как считалось, с точки зрения интернационала и коммунизма социал-демократической партии Германии.

Однако и «пролетарский интернационализм» самих основателей марксизма вызывает множество скептических вопросов. Национальные интересы не были чужды Марксу

и Энгельсу. Они ревностно выступали за объединение Германии, призывали к революционной войне против всех государств, которые, по их мнению, мешали германской национальной идее, не скрывали яростную нелюбовь к России, снисходительное отношение к славянским народам [22, с. 107; 23, с. 58, 83–84; 24, с. 199]. Маркс позволял себе откровенные антисемитские высказывания [25, с. 410–413], а Энгельс рассуждал о «способных» и «неспособных» народах, где к первым относил в т. ч. германцев, а ко вторым – славян [23, с. 56, 58, 84]. Антисемитские идеи Маркса и рассуждения Энгельса о «способных» и «неспособных» нациях и исторической закономерности права более сильных народов находили множество апологетов во времена Маркса и Энгельса, стали особо популярными в конце XIX – первой трети XX века и нашли свою политически утрированную форму в «Майн Кампф» Гитлера. Та же судьба постигла и другой постулат Энгельса – о восточной (славянской) угрозе Европе [23, с. 56], только в XX веке эта версия была модифицирована в русскую и коммунистическую угрозу.

Вот что писал Маркс о британском захвате Индии: «Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы Индия была завоевана турками, персами, русскими, а не британцами. Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [26, с. 224–225].

Здесь идеи «прогрессорства» (термин братьев Стругацких) легко ложатся на националистическую почву. В стремлении построить «мировой порядок» по единому образцу – будь то британский-французский-германский или «коммунистический» – Маркс вполне отражает особенности «западного» («прозападного») менталитета от своего времени до сегодняшнего дня. То есть национальные идеи идут рука об руку с интернациональными, конечно, не в марксист-

ском, а в обычном понимании «пролетарского интернационализма».

Один из современных исследователей русской революции С.А. Павлюченков подчеркивал несвойственность идей интернационализма для русского крестьянства, осуществившего «социалистическую революцию», в которой идея интернационализма была одной из основополагающих. «Крестьяне, верные традициям, соображали так, что пролетарии всех стран – это замечательно, но в конечном счете немцы – это немцы, а англичане – это англичане. Интернационализация гибла в топком крестьянском сознании, где давно нашли свой конец немало просветителей разного сорта и толка, охочих до мужицкой шеи» [27, с. 421]. Однако в таких же категориях мыслил и рабочий класс. Кроме приводимого примера Первой мировой войны из наиболее ярких – существенная роль представителей рабочего класса в приходе нацистов к власти в Германии в 1933 году [28, 29], а также тот факт, что во второй половине XX века иностранная рабочая сила воспринималась рабочими как отъем рабочих мест; лозунг борьбы с приезжей рабочей силой, со странами с дешевой рабочей силой до сих пор находит самый живой отклик именно в рабочей среде.

Итак, интернационализм «пролетарской партии» и ее вождей проигрывал национальным интересам, начиная с отцов-основателей. С этой точки зрения кажется абсолютно логичным тот факт, что в Первой мировой войне только небольшая группа социал-демократов из всего Интернационала выступила с интернационалистическими и антивоенными лозунгами, практически вся немецкая социал-демократия (как и французская, и бельгийская, и др.) поддержала свое правительство и войну. Уже Марксу и Энгельсу на практике редко удавалось быть интернационалистами, когда дело касалось интересов Германии. Русская марксистская интеллигенция, в большинстве своем проживающая подолгу в Европе, выступала в общих вопросах как интернационалисты, но как только дело касалось России, проявляла великоросский шовинизм [30, с. 187].

Если разобрать классический постулат о пролетарском интернационализме, то обращает на себя внимание тот факт, что смены ценностей как таковой не происходит – просто национальная идея и предмет национальной гордости смещаются в область революционных достижений. «Мы полны чувства национальной гордости, – писал Ленин в 1914 году, – ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм <...> И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий» [31, с. 107–108]. То есть верх патриотизма – стать передовой державой, а передовой страна может стать, осуществив самый прогрессивный переход в истории – пролетарскую революцию – и построив самый прогрессивный строй. Таким образом, идеи интернационализма вполне сочетаются с национальными идеями и «национальной гордостью».

Таким образом, национальная идея (национализм в указанном понимании) является одной из самых сильных мотивационных факторов протестного поведения. При этом интернационализм в вышеуказанном понимании становится не менее сильным фактором, особенно в сочетании с первым. Интернационализм

наравне с национализмом (или в обратном порядке) смог стать идеологической платформой большинства самых сильных и ярких примеров социального протеста в XX–XXI веках: Русской революции 1917 года, событий в Германии в 1919–1933 годах, Кубинской революции, «цветных революций». Сочетание интернационализма и национализма стало характерной чертой и «арабской весны»: национальная идея на уровне недовольства отсталостью страны и благосостояния народа в сравнении с развитыми странами, а на уровне группы народов – солидарность с другими арабскими странами.

Рассматриваемые вопросы возвращают нас к определению причин возникновения социального протеста, особенно в его радикальных и массовых формах. Здесь мы рассмотрели лишь три принципа («утопия», «национализм», «интернационализм»), к которым примыкают не менее значимые причины протеста, которые ставили во главу угла социальные философы от Аристотеля до Гегеля: «свобода» и «справедливость» [32]. Первенство «идеологии» (психологии), а не «экономики» в причинах возникновения радикальных массовых форм социального протеста позволяет объяснить те примеры явлений, к которым невозможно (или очень сложно) применить экономические или демографические факторы, и понять, почему люди, выступая с протестными акциями, готовы идти на материальные потери, снижение уровня жизни и даже на риск физических повреждений или смерти в отстаивании своих прав и взглядов.

Список литературы

1. Шульц Э.Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) // Вестн. МГУ. Сер.: Полит. науки. 2014. № 1. С. 40–51.
2. Шульц Э.Э. Причины революций: голова или кошелек? // Ист. психология и социология истории. 2014. № 1. С. 102–119.
3. История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993. 654 с.
4. Барг М.А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991. 397 с.
5. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. 366 с.

6. *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 22. С. 294–320.
7. *Cassels A.* Ideology and International Relations in the Modern World. London; N. Y., 2003. 320 p.
8. *Токвиль А.* Старый порядок и революция: пер. с фр. СПб., 2008. 248 с.
9. *Шульц Э.Э.* Социальная утопия как идеология социального протеста // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 8-2(35). С. 496–507.
10. *Шульц Э.Э.* Теория революции: Маркс и марксизм // *Приволж. науч. вестн.* 2014. № 2(30). С. 188–194.
11. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 5–338.
12. *История Европы.* Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны. М., 2000. 667 с.
13. *Ленин В.И.* Статистика и социология // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 349–356.
14. *Ленин В.И.* Революция типа 1789 или типа 1848 года? // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 9. С. 380–382.
15. *Гриффин Р.* Фашизм // *Полис.* 2012. № 3. С. 141–150.
16. *Колобов О.А., Шульц Э.Э.* «Арабская весна»: технологии бунта // *Полития.* 2014. № 1(72). С. 119–127.
17. *Шульц Э.Э.* «Оранжевая революция» и технологии управления бунтом // *Полит. экспертиза.* 2014. № 3. С. 111–115.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.
19. *Энгельс Ф.* Письмо К. Каутскому от 12.09.1882 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1964. Т. 35. С. 296–298.
20. *Нольте Э.* Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм: пер. с нем. М., 2003. 527 с.
21. *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX. 525 с.
22. *Маркс К.* Письмо Энгельсу, 24 июня 1865 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1963. Т. 31. С. 104–107.
23. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 3–113.
24. *Энгельс Ф.* Согласительное заседание 4 июля (Статья вторая) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1956. Т. 5. С. 199–207.
25. *Маркс К.* К еврейскому вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 382–413.
26. *Маркс К.* Будущие результаты Британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9. С. 224–230.
27. *Павлюченков С.А.* Орден меченосцев. Партия и власть после революции. 1917–1929. М., 2008. 463 с.
28. *Шульц Э.Э.* О некоторых спорных вопросах в проблеме социальной поддержки нацистов в Германии 1928–1932 гг. // *Вестн. Орлов. гос. ун-та. Сер.: Нов. гуманитар. исслед.* 2013. № 6. С. 80–84.
29. *Шульц Э.Э.* Социология нацизма: формирование основных подходов в историографии // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология.* 2014. № 2. С. 61–72.
30. *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М., 1991. 240 с.
31. *Ленин В.И.* О национальной гордости великороссов // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 106–110.
32. *Шульц Э.Э.* Политическая теория социального протеста от Аристотеля до Гоббса // *Приволж. науч. вестн.* 2014. № 1. С. 118–124.

References

1. Shul'ts E.E. Prichiny vozniknoveniya radikal'nykh form sotsial'nogo protesta (istoriograficheskiy obzor) [Reasons for the Emergence of Radical Forms of Social Protest (A Historiographic Survey)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politicheskie nauki*, 2014, no. 1, pp. 40–51.
2. Shul'ts E.E. Prichiny revolyutsiy: golova ili koshelek? [The Reasons of Revolutions: “Head or Purse?”]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2014, no. 1, pp. 102–119.
3. *Istoriya Evropy. T. 3. Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni (konets XV – pervaya polovina XVII v.)* [The History of Europe. Vol. 3. From the Middle Ages to the Modern Period (Late 15th – First Half of the 17th Century)]. Moscow, 1993. 654 p.

4. Barg M.A. *Velikaya angliyskaya revolyutsiya v portretakh ee deyateley* [The English Civil War in the Portraits of Its Leaders]. Moscow, 1991. 397 p.
5. Lavrovskiy V.M., Barg M.A. *Angliyskaya burzhuaznaya revolyutsiya. Nekotorye problemy angliyskoy burzhuaznoy revolyutsii 40-kh godov XVII veka* [The English Civil War. Some Issues of the English Civil War in the 1640s]. Moscow, 1958. 366 p.
6. Engels F. Preface to the English Edition of “Socialism: Utopian and Scientific”. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1962. Vol. 22, pp. 294–320 (in Russian).
7. Cassels A. *Ideology and International Relations in the Modern World*. London, New York, 2003. 320 p.
8. Tocqueville A. *l’Ancien Régime et la Révolution*. Paris (Russ. ed.: Tokvil’ A. *Staryy poryadok i revolyutsiya*. St. Petersburg, 2008. 248 p.).
9. Shul’ts E.E. Sotsial’naya utopiya kak ideologiya sotsial’nogo protesta [Social Utopia as an Ideology of Social Protest]. *European Social Science Journal*, 2013, no. 8-2 (35), pp. 496–507.
10. Shul’ts E.E. Teoriya revolyutsii: Marks i marksizm [Theory of Revolution: Marx and Marxism]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 2014, no. 2 (30), pp. 188–194.
11. Engels F. Anti-Dühring. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1961. Vol. 20, pp. 5–338 (in Russian).
12. *Istoriya Evropy. T. 5. Ot Frantsuzskoy revolyutsii kontsa XVIII veka do pervoy mirovoy voyny* [The History of Europe. Vol. 5. From the French Revolution of the Late 18th Century to the First World War]. Moscow, 2000. 667 p.
13. Lenin V.I. Statistika i sotsiologiya [Statistics and Sociology]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. 5th ed. Moscow, 1973. Vol. 30, pp. 349–356.
14. Lenin V.I. Revolyutsiya tipa 1789 ili tipa 1848 goda? [A Revolution of the 1789 or the 1848 Type?]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. 5th ed. Moscow, 1967. Vol. 9, pp. 380–382.
15. Griffin R. Fascism. *Polis*, 2012, no. 3, pp. 141–150 (in Russian).
16. Kolobov O.A., Shul’ts E.E. “Arabskaya vesna”: tekhnologii bunta [The Arab Spring: Riot Technologies]. *Politiya*, 2014, no. 1 (72), pp. 119–127.
17. Shul’ts E.E. “Oranzhevaya revolyutsiya” i tekhnologii upravleniya buntom [The Orange Revolution and Riot Control Technologies]. *Politicheskaya ekspertiza*, 2014, no. 3, pp. 111–115.
18. Marx K., Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1955. Vol. 4, pp. 419–459.
19. Engels F. Pis’mo K. Kautskomu ot 12.09.1882 g. [A Letter to K. Kautsky, 12.09.1882]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1964. Vol. 35, pp. 296–298.
20. Nolte E. *Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus*. 1987 (Russ. ed.: Nol’t E. *Evropeyskaya grazhdanskaya voyna (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol’shevizm*. Moscow, 2003. 527 p.).
21. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh* [Works in Nine Volumes]. Moscow, 1990. Vol. IX. 525 p.
22. Marx K. Pis’mo Engel’su, 24 iyunya 1865 [A Letter to Engels, 24 June 1865]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1963. Vol. 31, pp. 104–107.
23. Engels F. Revolution and Counter-Revolution in Germany. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1957. Vol. 8, pp. 3–113 (in Russian).
24. Engels F. Soglasitel’noe zasedanie 4 iyulya (Stat’ya vtoraya) [Conciliation Meeting, the 4th of July (Article 2)]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 5, pp. 199–207.
25. Marx K. On the Jewish Question. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1955. Vol. 1, pp. 382–413.
26. Marx K. Budushchie rezul’taty Britanskogo vladychestva v Indii [The Future Results of British Rule in India]. Marx K., Engels F. *Soch.* [Works]. 2nd ed. Moscow, 1957. Vol. 9, pp. 224–230.
27. Pavlyuchenkov S.A. *Orden mechenostsev. Partiya i vlast’ posle revolyutsii. 1917–1929* [Sword Brethren. The Party and Power After the Revolution. 1917–1929]. Moscow, 2008. 463 p.
28. Shul’ts E.E. O nekotorykh spornykh voprosakh v probleme sotsial’noy podderzhki natsistov v Germanii 1928–1932 gg. [On Some Controversial Issues in the Problem of Social Support for the Nazis in Germany in 1928–1932]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2013, no. 6, pp. 80–84.
29. Shul’ts E.E. Sotsiologiya natsizma: formirovanie osnovnykh podkhodov v istoriografii [Sociology of Nazism: The Basic Approaches of Historiography]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 2014, no. 2, pp. 61–72.
30. Valentinov N.V. *Nasledniki Lenina* [Lenin’s Successors]. Moscow, 1991. 240 p.

31. Lenin V.I. O natsional'noy gordosti velikorossov [On the National Pride of the Great Russians]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works], 5th ed. Moscow, 1969. Vol. 26, pp. 106–110.

32. Shul'ts E.E. Politicheskaya teoriya sotsial'nogo protesta ot Aristotelya do Gobbsa [Political Theory of Social Protest: From Aristotel to Hobbes]. *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 2014, no. 1, pp. 118–124.

Shults Eduard Eduardovich

Faculty of International Relations, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

UTOPIA, NATIONALISM AND INTERNATIONALISM AS A BASIS FOR RADICAL MASS FORMS OF SOCIAL PROTEST

This paper analyzes the causes of radical mass forms of social protest, which primarily include such social phenomena as civil war and revolution. The following causes belonging to the sphere of mass psychology are addressed: utopia (creation of a better society), nationalism (struggle for national independence, self-determination, cultural and historical identity), internationalism (turning to foreign models, desire for common values and processes). Over the past century, researchers had often named the “economic bloc” and the demographic factor, as well as their various modifications, among the causes of these forms of social protest.

The analysis of all the radical mass social protests from the 17th to the 21st century shows that economic and demographic factors can play an important role but usually act as concomitant factors, additional but not decisive ones. In most of the various manifestations of radical mass social protest over the past four centuries, their origins and causes had little to do with either economy or demography. Only the priority of ideology (psychology) provides an understanding of why protesting people are ready to suffer material losses, declining living standards and even stand the risk of physical injury or death in order to defend their rights and views. This also accounts for the examples of such phenomena that can hardly (or never) be explained by economic or demographic factors.

Keywords: *utopia, nationalism, internationalism, social protest, radical mass forms of social protest.*

Контактная информация:

адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2;

e-mail: nuap1@yandex.ru

Рецензент – *Голдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова